

У берега бушевал яростный шторм, чёрные волны с грохотом обрушивались на сушу, словно зев морского чудовища, готового поглотить всё на своём пути. Ливень хлестал с такой силой, что капли, крупнее бобов, барабанили по земле с оглушительным треском, оставляя в песке мелкие воронки и болезненно ударяя по лицам.

Рыбачьи лодки, укрывшиеся в заливе у берега, безвольно качались на волнах, швыряемые штормом из стороны в сторону. Люди на борту не могли даже встать — приходилось лежать ничком на досках, лишь бы не быть сброшенными в воду.

Повсюду вокруг в воде плыли чужие кастрюли, миски, дощечки и циновки — хаос, словно кто-то вылил в море целое ведро грязной помойной воды и размешал до состояния мутной жижи.

Неизвестно кто громко закричал:

— Якорь сорвало! Чью лодку унесло? На ней кто-то остался?!

Остатки фразы унесло ветром, разобрать их было невозможно, но те, кто услышал слово «якорь», щурясь сквозь дождь, тут же начали оглядываться по сторонам. И вскоре все заметили — старая лодка и впрямь уходила по течению в открытое море, а на борту, разрываясь в крике, сидел ребёнок.

Увидевшие эту сцену не могли не содрогнуться — сердце у каждого сжалось, головы невольно качались в сочувствии и тревоге. Во время тайфуна страшнее всего — когда лодку срывает с якоря. Ещё страшнее, если на ней кто-то есть. И даже если это взрослый мужчина, здоровяк в семь чи, шансы вернуться живым не превышают пяти-шести из десяти — что уж говорить о ребёнке.

— Это лодка Чжун Мина! А-Мин! А-Мииин!

Один за другим молнии рассекли небо, осветив всё вокруг мертвенным белым светом, и в ярких вспышках стало видно, как маленькую лодочку несёт прочь в пенящейся пасти волн.

Чжун Мин ясно осознавал, что всё происходящее перед ним — лишь сон, но, не колеблясь ни на мгновение, он бросился в море, изо всех сил плывя за уносимой лодкой. С виду казалось, что до лодки рукой подать, но стоило подумать, что вот-вот коснёшься её борта, как очередная огромная волна отбрасывала её прочь. Сон раз за разом дарил надежду — и тут же безжалостно отнимал её.

Это было как идти по бесконечной дороге во сне, дороге, у которой нет конца.

Неизвестно, сколько времени прошло, но небо над головой всё так же оставалось дырявым решетом, изливая на землю непрекращающиеся потоки дождя. Раскаты грома постепенно заглушали для Чжун Мина плач младшего брата, а лодка вдалеке всё больше терялась в

темноте, становясь лишь расплывчатым силуэтом. Лишь в короткие мгновения, когда вспышки молний расцвечивали небо, он успевал разглядеть мертвенно-бледное лицо братишки, будто уже лишённое жизни.

— Брат! Браа-аат!

Последнее, что он услышал, были два крика младшего брата, пронзительных и полных отчаяния. Они прорвали ревущий гром, прорвали грохот волн и вонзились в тело Чжун Мина, как нож.

Во мраке сна деревянная лодка внезапно накренилась набок, и ребёнок, не удержавшись, соскользнул в воду. Он исчез в волнах так же быстро, как капля дождя в море — без следа.

.....

Чжун Мин очнулся от знакомого чувства, будто сердце на мгновение оборвалось — пробудился, весь в липком холодном поту. Лоб словно раскалывался: казалось, будто внутри головы завёлся кто-то с молотком и удар за ударом колотил ему по темени.

Он сжал виски, терпя боль; глаза налились тяжестью и режью — открыть их не представлялось возможным. По привычке он попытался повернуться на бок, прижать лоб к деревянной подушке, надеясь, что новая, резкая боль сможет вытеснить ту пустоту и отчаяние, что оставил после себя кошмар.

Но стоило ему повернуться, как он почувствовал неладное. Босыми ногами он задел простыню, по которой скользнуло прохладное, шелковистое ощущение — под ним, похоже, была соломенная циновка, какая используется только в летнюю жару.

А ведь сейчас, по всем ощущениям, стояли лютые морозы северных земель, и он должен был лежать в походной палатке, отведённой для раненых. Сегодня, в бою, варвар пронзил его живот. Он помнил, как прижал руку к ране, чувствуя под ладонью вязкую, горячую кровь, неумолимо вытекавшую наружу. Помнил, как снег вокруг постепенно становился алым, пока, наконец, не прозвучал рог — сигнал к отступлению, и его, потерявшего сознание, подняли на носилки и унесли солдаты.

А потом...

А что было потом?

Он помнил только невыносимую боль в ране, жар, охвативший всё тело, и сознание, что ускользало всё дальше. Была минута, в которую он с полной ясностью понял — он умирает.

Говорят, после смерти душа возвращается домой.

Чжун Мин тяжело вздохнул про себя — если так, то всё логично. Как ещё объяснить то, что сейчас он чувствовал себя так, будто снова лежит на лодке, забытое ощущение раскачивания под телом, а за окном доносится приглушённый шум прибоя...

— Брат!

Раздался звонкий детский голос, за ним — быстрый топот.

Чжун Мин подумал, что, выходит, умер он окончательно — раз уж младший брат пришёл за ним. Значит, правда, что после смерти можно воссоединиться с близкими... Эх, знал бы он раньше — не цеплялся бы за эту никчёмную жизнь, лучше бы умер пораньше, почище...

Плюх!

Не успел он додумать мысль, как в грудь ему с глухим ударом обрушилась тяжесть, и от неожиданности он распахнул глаза. Слюна попала не в то горло, и он закашлялся до изнеможения, лихорадочно соображая, может ли человек захлебнуться даже после смерти. Не успел он придумать внятный ответ, как по лицу ему прилетел звонкий шлепок маленькой ладошкой.

— Брат, вставай скорее!

Ладошка, ударившая по лицу, принадлежала паре пухленьких детских ручек — тёплых, с лёгким запахом рыбы, каким часто веет от берегов моря. Чжун Мин с трудом приоткрыл глаза сквозь пальцы, а затем, словно карп, резко вскочил, сев на постели. Он распахнул глаза, сперва с недоверием оглядывая деревянную лодку вокруг, потом опустил взгляд на ребёнка у себя на руках — долго, молча.

Он был так потрясён, что невольно протянул руку, ущипнул малыша за щёчку, потом коснулся его шеи — тёплая, мягкая, под пальцами ощутимо пульсировала жила.

— ...брат Хань? Малыш?

Он растерянно позвал, почти не веря себе.

А в следующую секунду по его лицу бесшумно потекли слёзы, и при этом выражение лица оставалось всё таким же ошеломлённым, пустым.

— Брат, почему у тебя текут золотые горошки?

Чжун Хань, устроившийся у него на коленях, с недоумением поднял к нему лицо, аккуратно вытер его слёзы и осторожно спросил:

— Тебе мама приснилась?

Чжун Мин, глядя на живого, настоящего младшего брата, долго не мог прийти в себя. Крик отчаяния, звучавший в кошмаре, всё ещё эхом отдавался в ушах. Он с силой ударил себя по лбу, будто надеялся пробить эту иллюзорную, обманчиво сладкую грёзу.

Он и раньше не раз видел младшего брата во снах — бывало, снились и отец с матерью. Но каждый раз всё заканчивалось одинаково: на его глазах они обращались в гниющее мясо и белые кости. Пустые глазницы черепов зияли чёрной бездной, молча уставившись прямо на него, будто укоряя за его жалкую, никчёмную жизнь... - не уберёт брата, не сберёт лодку, что оставили родители, а сам в итоге превратился в посмешище.

Он обрушил на себя удар с такой силой, что в глазах вспыхнули искры. Но, к его изумлению, когда мрак перед глазами рассеялся, всё вокруг оставалось на месте — сон не исчез.

...

Словно время повернулось вспять, он снова оказался в своей юности. Хотя он не успел застать время, когда родители были живы, но брат — брат всё ещё был рядом!

Чжун Мин не мог в это поверить. Мысли носились вихрем, будто варились в голове, кипя и бурля, превращая разум в густую кашу. Он сидел, как деревянный болван, не слыша, как Чжун Хань зовёт его снова и снова.

Бедный малыш старался изо всех сил, перепугался не на шутку — губы задрожали, и он, наконец, не выдержав, расплакался в полный голос:

— Уа-а-а!

Спустя какое-то время.

С соседней лодки Чжун Чунся, услышав плач племянника, в спешке вбежала в каюту, крепко прижала Чжун Ханя к себе и принялась аккуратно гладить его по спине:

— Ну-ну, тише, тише, малыш, не плачь...

Лоб её весь покрылся морщинами от злости, но на Чжун Мина она даже не взглянула — не до того было выяснять, какую очередную ерунду он учудил. Только краем глаза заметила, что посреди бела дня в каюте разостлана циновка, на которой обычно спят ночью, и от этой картины в ней мгновенно вскипела ярость.

Старший племянник, которого оставил после себя её старший брат, в детстве был совсем

другим — добродушный, покладистый, в мать пошёл: и лицом красив, и плавал ловко, всё в нём говорило о том, что вырастет славный парень. Но кто ж знал, что чем старше, тем больше он становится бездельником без царя в голове. Целыми днями ничем не занимался: то шлялся по деревням и городкам, водился с какими-то подозрительными людьми, то твердил, будто не хочет больше быть «человеком воды», мол, лучше пойти в город и стать слугой в богатом доме. Только послушать — это что, по-людски сказано?

Или вот так — среди бела дня развалился на лодке спать, а если звать с собой собирать ракушки — жалуется, что платят мало, звать на рыбалку — жалуется, что устаёт.

Во всём Байшуйао не сыщешь второго такого лентяя!

С большим трудом уняв плач Чжун Ханя, Чжун Чунься наконец смогла освободить руки. Сгорбившись, она шагнула вперёд и с силой выкрутила Чжун Мину ухо:

— А ну ты, щенок, чего расселся тут среди бела дня, как в воду глядишь? Переспал, совсем башку затуманило, а? Доброе дело — взял да напугал малыша! Разве ты не знаешь, какой он хилый? Расплачется — дух подорвёт! Я с тобой однажды точно от злости помру!

Жгучая боль пронзила ухо, будто его сейчас оторвут без всякого преувеличения. А в придачу — лавина ругани, до боли знакомая, словно выученная наизусть. Чжун Мин вздрогнул, скривился от боли и медленно поднял глаза. Как и следовало ожидать — перед ним стояла его давно не виденная вторая тётка. Лицо перекошено гневом, голос громкий, хлёсткий, как плеть, и по взгляду видно — сейчас бы с радостью спихнула его за борт.

Теперь уж Чжун Мину точно пришлось протрезветь. В прошлой жизни он в последний раз видел вторую тётку в день, когда его собирались отправить в ссылку на север в качестве солдата-уголовника. Если проявить щедрость и сунуть сопровождающему чиновнику немного серебра, те обычно закрывали глаза на то, что родные передают осуждённому одежду, обувь, мелочь на дорогу — всё равно ведь знали, что эти деньги рано или поздно окажутся у них в кармане.

Тогда Чжун Мин своими глазами увидел, как его вторая тётка — та самая, что всю жизнь вела хозяйство предельно бережливо — без единого колебания сунула каждому из двух чиновников по полной горсти медных монет, чтобы выторговать возможность хоть немного приблизиться и перекинуться с ним парой слов. Сразу после этого он получил от неё узел, в который она наспех, ночью, собрала вещи — набила его ватной одеждой, чтобы не мёрз в дороге.

— Мы с твоим дядей верим: ты не виноват. Это дело — не твоих рук дело. Но у нас ни денег, ни связей, — где нам искать справедливости?..

Чжун Мин помнил тот момент отчётливо: он тогда не осмелился даже взглянуть ей в глаза, стоял, уставившись куда-то в сторону, а краем глаза заметил — у неё в висках уже пробилась седина. А ведь ей было всего чуть за тридцать. За полгода она потеряла сразу двух племянников, которых любила как родных сыновей: одного — в могилу, другого — в живую

разлуку. И вот уже седина на голове.

— Дорога дальняя. Береги себя. Запомни: лучше плохо жить, чем хорошо умереть. Кто знает, может, однажды император объявит амнистию для всей страны, и ты ещё вернёшься в Байшуйао, хоть на денёк взглянуть...

Но, увы, слова «амнистия по всей стране» были для них, солдат-преступников, всего лишь приманкой — морковкой, подвешенной перед носом. Прошли годы, и Чжун Мин, так и оставшийся преступником с клеймом на лице, в конце концов умер в далёком краю, за тысячи ли от родного дома.

Теперь же, увидев, что Чжун Мин долго не отвечает — не стоит, как раньше, с упрямо вытянутой шеей, не грубит, не отворачивается, не убегает прочь с мрачной миной — а всего лишь смотрит на неё, глупо, растерянно, с покрасневшими глазами, будто вот-вот расплачется...

Чжун Чунься вдруг ослабила руку, отпустила ухо и почувствовала тревогу.

— Что с тобой, а? Неужто кошмар приснился?

Ухо Чжун Мина было ярко-красным после тёткиного захвата. Чжун Хань тем временем подбежал к ним на коротких ножках и встал между ними, всё ещё икал от недавнего плача, но не забыл заступиться за старшего брата:

— Э... Вторая тётя, ик... не бей... ик... и брату... не надо...

После чего громко шмыгнул носом.

— Не бью я, как же! — Чжун Чунься хмыкнула, но и сама уже не злилась, — Да ты глянь на себя, карапуз ещё, до пояса мне не достаёшь, а уже брата защищаешь!

Она ласково ущипнула Чжун Ханя за щёчку. Ребёнок родился недоношенным, с малых лет был хилым, его тщательно растили и берегли, и только за последние годы щёчки наконец-то чуть округлились — теперь хоть за них можно было взяться пальцами.

Благодаря вмешательству Чжун Ханя, напряжение несколько спало, и Чжун Чунься, внимательно присмотревшись к Чжун Мину, увидела — с ним явно что-то не так. В голове сразу мелькнула мысль: не иначе как во сне увидел старшего брата и невестку, то есть её покойного брата с женой.

Эх, бедный мальчишка... Хоть упрям, хоть и с норовом, но ведь сирота, без отца, без матери — никто не воспитывал, и потому, как ни крути, вырос слегка не туда. На её взгляд, надо бы как можно раньше подыскать ему пару — жену или супруга, чтобы был в доме кто-то, кто держит

его в узде. У мужчины, если семья есть, тогда и сердце к ней привязывается, а если нет — становится, как лодка в море: куда ветер подует, туда и сердце понесёт.

Подумав об этом, она взглянула на солнце, прикинула время и распорядилась:

— Ладно, ты иди умывайся, приберись, надень что поприличнее. К вечеру пойдёшь с нами, с дядькой, в гости — на угощение в дом семьи Цзян.

Чжун Мин, только-только переживший смерть и возвращение к жизни, всё ещё чувствовал в груди клубок густых, неразрешённых чувств, что никак не хотел рассасываться. И вот — моргнуть не успел, а его вторая тётка уже всё чётко распланировала.

Он не успел даже осмыслить, только переспросил:

— Угощение? Какое ещё угощение?

<http://bllate.org/book/13583/1204980>